

УДК 811.161.1'373.612.2

*О. И. Ревуцкий***РУССКИЕ МЕТАФОРИЧНЫЕ ТЕКСТЫ
С ОПОРНЫМИ ЭЛЕМЕНТАМИ «СЛОВО», «ПОЭЗИЯ», «СТИХ»**

*В статье исследуются серии метафоричных текстов, в зону отталкивания которых входят распространённые в метафорическом поле «поэтическое творчество» элементы **слово, поэзия, стих**. Выявляются характерные направления осмысления опорных понятий и реализующиеся в рамках данных направлений метафорические модели, устанавливаются типовые схемы развёртывания метафоричности, выявляются случаи пересечения метафорических моделей.*

Введение

Метафоры, связанные с темой «словесно-художественное творчество», в современной художественной литературе распространены достаточно широко. Примеры такого рода метафор отмечаются и в поэзии XIX столетия [1, 34–36], [2, 108], однако в последние десятилетия XX века наблюдается их количественный рост и расширение приёмов выражения метафоричности.

В качестве опорных элементов выделенного на основе анализа современных материалов метафорического поля «словесно-художественное творчество» выступают лексемы **слово, поэзия, стих, речь, язык, рифма, фраза, строка, поэма, песня** и др. Из них на первом месте по частоте употреблений оказываются такие, как **слово, поэзия и стих**. Именно эти элементы наиболее часто выступают в качестве опорных в метафорах текстообразующего характера и повторяются в целых сериях текстов, которые принадлежат разным авторам.

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что метафоричность данных текстов носит системный характер и определяется сложившимися в стиле современной русской поэзии глобальными направлениями осмысления.

Цель исследования – установить среди таких направлений наиболее стабильные, выявить состав соответствующих каждому из направлений лексико-семантических элементов из зоны источника и на этой основе выделить спектр реализующихся в составе каждой из рассматриваемых серий текстов метафорических моделей. В задачи работы входит также установление фактов возможного совмещения и пересечения в текстах разных метафорических моделей, а также характерных для каждой модели типовых схем развёртывания метафоричности.

Под метафорической моделью в нашем исследовании понимается бинарная структура, характеризующаяся семантической однородностью элементов, включающихся в зону отталкивания (отталкивания), и элементов, принадлежащих зоне прибытия (или источника метафорической экспансии). Если исходить из традиционного понимания метафоры, то зоны отталкивания и прибытия с некоторой долей условности могут быть квалифицированы как зоны сравниваемого и сравниваемого.

Принятое нами понимание метафорической модели сближается с используемым в работах А. Н. Павловича понятием парадигмы образов, в котором за основу берётся наполняющий ту или иную модель лексический материал [3, 104–118].

Результаты исследования и их обсуждение

Для анализа были отобраны тексты известных русских поэтов, часто обращающихся к метафоре: С. Ботвинника, Н. Заболоцкого, В. Маяковского, Е. Винокурова, Л. Мартынова, С. Острового, Л. Татьяничевой, Н. Тихонова, В. Цыбина и ряда других.

Вначале обратимся к наиболее распространённой серии текстов с опорным элементом **слово**.

Анализ показал, что характер метафоричности этого лексического элемента в текстах находится в зависимости от относительно небольшого количества векторов осмысления, среди которых преобладают такие, как представление о трудности обработки словесного материала, осмысление слова как большой духовной ценности, как поэтического средства, способного бороться со злом, оказывать влияние на будущее, и др.

Для текстов, где осмысление слова проводится в рамках первого из направлений, характерны анималистические метафоры, связанные с уподоблением «неподатливых» слов представителям фауны: (птицам, животным) и т. д.

При этом поиск слов представляется как ловля или охота. Таков, например, текст С. Острового «Слово», основывающийся на метафоре слово – чёртик: **Всю ночь ловлю я слово, как чёртика, за хвост.**

Изображение слова как прячущегося находим и в тексте С. Ботвинника «Начинаются снова и снова...», что также привело автора к использованию анималистической метафоры: **Где сумело оно притаиться, / где укрыться сумело хитро? / Пролетела, мелькнула жар-птица / и вдали уронила перо.**

В тексте Н. Заболоцкого «Светляки» анималистическая метафора передаёт итог трудной работы со словом, т. е. «приручение»: **Дыхание фанфар и бубнов незнакомых. / Там медленно гудит и бродит в вышине, / Что жалкие слова? Подобья насекомых! / И всё же эта тварь была послушна мне.**

В ряде случаев прослеживается связь с прецедентными текстами, в частности с поговоркой *слово не воробей...*, в чём можно усмотреть образную реализацию мысли об ответственности за сказанные слова: **Его нельзя назад. / Не воробей! Пошло гулять по свету (Е. Винокуров «Слово»).**

С темой сложности выбора слов и ответственности за сказанное связаны и такие тексты, в которых в процесс метафоризации включаются слова, сказанные неудачно, брошенные наспех. В тексте Л. Мартынова «Пчёлы» такие слова характеризуются, как жалившие пчёлы: **Но мир смеётся: / Сам же виноват! / И сотни слов, жужжа, язвят, как пчёлы.**

Помимо признаков неуловимости, «ускользания» в основу анималистических метафор могут быть положены и другие признаки. Например, в тексте Б. Ахмадулиной «Немота» обыгрываются коннотации, связанные с лёгкостью полёта, приятностью звучания и т. д. Мысль об утрате поэтичности слов выражается здесь как потеря «соловьиных» качеств: **...но мертвы моих слов соловьи, / и теперь их сады – словари.**

Тема ответственности за высказанные слова раскрывается и в тексте Л. Мартынова «Словами иногда швыряются...», метафоричность которого не основывается на уподоблении живому существу, а строится по модели «слова – предметы». В данном тексте обыгрывается способность случайно брошенных слов долго оказывать своё вредное воздействие: **И, может быть, порой случается, / Что и вокруг Земли вращаются... / И падают, и возвращаются / Слова, звучавшие в былом.**

В серии текстов, где метафоризация слова связывается со вторым из названных направлений – слово – большая духовная ценность, выделяется несколько малых серий, демонстрирующих более узкие направления метафоричности. Примеры такого рода находим у Н. Рубцова, С. Королёва, Н. Матвеевой и ряда других авторов.

Одна из малых серий, где подчёркивается воодушевляющая сила слов, реализуется в рамках традиционной, часто реализующейся в произведениях поэтов XIX–XX веков модели «слово – явление огненной стихии».

В тексте Н. Рубцова «Брал человек холодный мёртвый камень...» слово уподобляется искре, высекаемой с помощью огнива: **Твоя судьба не менее сурова – / Вот так же высекай огонь из слова.**

Аналогично развёртывается метафоричность в тексте С. Королёва «Высекай искру».

Мысль о высокой значимости слова нередко передаётся посредством метафоризации по модели «слово – драгоценная вещь, предмет, материал». Примером может служить текст Н. Матвеевой «Есть вопиющий быт, есть вещие примеры...», в котором представлена серия уподоблений слов скрытым в земле сокровищам: **Есть клады ценных слёз, есть копи, есть пещеры / Алмазных вымыслов и фактов золотых. / Но муза не придаст им ни малейшей веры, / Пока отделки блеск не заиграл на них.** По такой же модели строится метафора в тексте Я. Козловский «Колечко».

В тексте А. Вознесенского «За тобою прожжённые годы...» метафорически обыгранна способность слов и других поэтических слов использоваться в качестве дара, посвящения, что находится в связи с опорной метафорической моделью «слова – драгоценности»: **Я лишаю тебя гражданства, / и, как серьги, – толкая взапой, – / Все слова, что ты мной награждалась, / вырву с мочками из ушей.**

Актуальным для современной поэзии остаётся и традиционное уподобление слов (и других поэтических средств) видам оружия. В подобных текстах подчёркивается большая значимость слова как орудия в борьбе со злом. На такой метафоре строится текст Н. Тихонова «Ворота Искандера» с базовой метафорой слово – меч, которая выражает способность слова рассекать все преграды, уничтожать препятствия, мешающие сближению народов: **Слово дружбы – оно рассекает не хуже / Все преграды, и с ним мы идём.**

В серии текстов, где метафорически отображается высокая значимость слова, особую группу составляют такие, в которых данное качество подчёркивается с помощью оксюморона. Такой приём находим в текстах Л. Татьянической и Л. Мартынова, где оксюморон строится по одной и той же формуле – «в малом – огромное, великое». В тексте Л. Татьянической «Висит на кончике пера решающее слово...» имплицитное сравнение слова с каплей подчёркивается другим, резко контрастирующим с первым уподоблением слова горе: *Висит на кончике пера / Решающее слово. / Как обречённая гора, / Обрушится готово.*

В тексте Л. Мартынова «Капля крови» сравнение слова с каплей осложняется дополнительной образно осмысленной оппозицией лёгкости – тяжести: *Я хочу, чтоб скрылось в слове / Столько пламенного жара, / Будто это капля крови, / Тяжелей земного шара.*

Одну из достаточно распространённых малых серий составляют тексты, в которых отражена способность слова оказывать влияние на будущее. Такое осмысление ведёт к использованию в роли метафор лексических элементов из группы «растения», где в роли базовой ассоциации используется признак «способность прорасти, давать новую жизнь». Таков текст Е. Евтушенко «Не важно, есть ли у тебя преследователи...», где представлена развёрнутая фитонимическая метафора: *Да будет слово явлено, / простое и великое, / как яблоко – / с началом яблонь будущих внутри.*

В тексте С. Острового «Слово» поэтические слова уподобляются зёрнам: *А тут всё рвётся к зёрнам, / а в зёрнах спит заряд, / глушу себя снотворным / Какую ночь подряд.*

Ассоциация «слово – плод, зерно» присутствует и в тексте Е. Винокурова «Слово»: *А есть слова – по ним глаза скользят. / Стручки пустые. В них горошин нету.*

Наряду с текстами, которые демонстрируют регулярные направления метафоричности, встречаются и такие, которые носят нерегулярный характер, хотя в целом не выпадают из круга традиционных представлений о художественном слове как о феномене, имеющем большую духовную значимость.

Например, в тексте Л. Татьянической «Меченые атомы» вынесенная в заглавие и далее развёртывающаяся метафора характеризует способность поэтического слова выражать скрытые смыслы: *С людьми, Душой богатыми, / Поэзия в ладу. / Слов меченые атомы / Лежат не на виду.*

Перейдём теперь к рассмотрению текстов с отправным элементом **поэзия**. Метафорическое развёртывание данного слова в текстах определяются рядом направлений, из которых преобладают такие, как осмысление поэзии с точки зрения её тесной связи с жизнью, способности поэзии воодушевлять, вести за собой, чутко откликаться на все события жизни и т. д. Подобные направления в одних и тех же текстах часто совмещаются, чем определяется и совмещение реализующихся в текстах метафорических моделей.

Наличие определённых метафорических элементов в зоне прибытия часто зависит от семантических наслоений, наработанных в метафорических контекстах другой направленности. Так, например, представление о всеобъемлющем характере поэзии в тексте С. Ботвинника «Слово» о поэзии² привело к появлению текстовой метафоры «поэзия – река», поскольку именно с рекой связано символическое представление широты и раздолья. Помимо этого в тексте реализовано традиционное представление о реке как о хранилище духовности страны и её народа: *Поэзия земли моей река, / в ней слышен чистый голос родника / и грохот вод, несущихся в ущелье... / Она хранит и первый луч зари, и городов высоких фонари, / и тополей пушистое веселье.*

К появлению гидронимической метафоры «поэзия – море» в тексте Б. Слуцкого «Чрезвычайность поэзии» привело акцентирование в понятии «поэзия» признаков бескомпромиссности, активности и напора: *Я трогаю босой ногой / Прибой поэзии холодный. / А может, кто-нибудь другой – / Худой, замызганный, голодный – / С разбегу прыгнет в пенный вал, / Достигнет сразу же предела.*

В ряде текстов тема широты, глобализма поэзии раскрывается в контексте традиционного противопоставления двух видов поэзии, высокой и низкой. В стихотворении Л. Мартынова «Кусок небес» представление об этих видах поэтического творчества выражается посредством метафорической параллели: **поэзия – Земля и поэзия – небо**, которая выливается в утверждение о внутреннем тождестве земного и небесного и, следовательно, об отсутствии принципиальных различий между «низкой» и «высокой» поэзией: *И не вини меня в непостоянстве, / О, небо грёз, с чьих грозных круч я слез / В предел Земли, которая в пространстве / Не что иное, как комок небес.*

Тема широты отображения реальности в плане охвата высокого и низкого раскрывается и в другом тексте Л. Мартынова – «Поэзия отчаянно сложна...»: **Она везде, и не её вина, / Что и в земле и в небе равно кроясь, / Как Эребус, венчая Южный полюс, / Поэзия не ребус, но вольна / Звучать с любого белого пятна, Как длинная и средняя волна, / И на волне короткой весть и повесть.**

Всеобъемлющий характер поэзии в тексте Н. Матвеевой «Пёстрый ларчик» раскрывается путём указания на её способность отображать противоположные по своему характеру сферы бытия и их отражение в человеческом сознании. Это привело к метафорическому уподоблению поэзии противоположным понятиям, выступающим в тексте в роли контекстуальных антонимов: духу и плоти, сну и яви, сути и сомнению. Основу текста составляют альтернативные ответы на вопрос о том, что такое поэзия: **Мы бы назвали поэзию сном. / Что же ты в драку суёшься, поэт? / Вправе ли спящий грозить кулаком?**

К рассматриваемой малой серии примыкают и такие тексты, в которых широта и глобальный характер поэзии отражаются с помощью метафоры **поэзия – жизнь**. В качестве примера можно назвать текст В. Цыбина «Через беду, через навет...», в котором мысль о единстве поэзии и жизни связывается с акцентуацией трудностей жизненного пути: **пусть выпадет ходить ему / по тверди / и по лезвию! / И я прозрею и пойму, / что жизнь / и есть поэзия**. В метафоре «поэзия – жизнь» усматривается и метонимическая ассоциация: «поэзия – то, что она отражает».

С темой широты поэзии тесно связана и тема её вездесущего характера, способности откликаться на любые события. Такое осмысление нередко порождает технотронные метафоры с названиями приборов, чутко улавливающих то, что скрыто от прямого наблюдения (**локатор, сейсмограф** и т. п.). Уподобление поэзии локатору находим в тексте С. Ботвинника «Поэзия, локатор времени...», где обыграна и способность поэзии проникать в труднодоступные области, «высвечивать» главное: **Пусть острей твоих лучей / ростки нащупать сможет семени, / отсеять суть от мелочей.**

Перейдём теперь к рассмотрению серии текстов с опорным элементом **стих**. Анализ показал, что специфика метафоричности данного понятия в ряде случаев определяется осмыслением стиха как продукта, результата поэтического творчества. В соответствии с этим в зону прибытия подобных текстов нередко включаются наименования юных живых существ с присущим им коннотативным ореолом трогательной нежности и умиления. Таков, например, текст Л. Татьяничевой «Мой оленёнок», в котором созданное в результате долгих трудов стихотворение сравнивается с неожиданно появившимся на осеннем поле оленёнком: **Бумажный лист – Будто поле осеннее, / Седое и знобкое – / От позёмки. / Но вот появляется стихотворение, / Неожиданное, / Как оленёнок. / Не веря, что жизнь может быть обидчивой, / Стремится к ней / Без всякой опаски.**

В подобного рода стихотворениях могут акцентироваться признаки духовного наследия и преемственности, что ведёт к появлению коннотаций родства, продолжения дела отцов. Таков, например, текст С. Ботвинника «Как грачи по весеннему полю...», где стихи метафорически сближаются с детьми и с отправляющимися в полёт птицами: **Ах, стихи, / окрылённые дети, / есть ли время вам помнить отца? / Вы уж сами взмываете птицей, / сами / дышите светом весны.**

Акцентирование семы «результат творчества» может приводить и к появлению метафор другого рода, в зону прибытия которых включаются наименования материальных предметов, изготавливаемых в процессе физического труда. Такая метафора положена в основу текста Н. Тихонова «Пусть серый шлак перегорит в мученьях...». Процесс создания стихов сравнивается здесь с изготовлением изделия из металла: **Возьми мой стих, / Дымящиеся строки... / Ковал любя, Багровый их булат. / Я сделал их в часы своей тревоги, / Они тебя / В тревоге защитят!**

Как и другие понятия словесно-художественного творчества, разные стихи могут подвергаться сравнению и оценке, что обуславливает и использование разных по семантике метафор, выступающих в роли своеобразных контекстуальных антонимов. Таков, например, текст Л. Мартынова «Одни стихи приходят за другими...», который строится на достаточно распространённой в поэзии формуле «стихи бывают разные»: **Одни стихи – высокие, как тополь, – / Внушают сразу мысль об исполинах, / Другие – осыпаются, как опаль, / Сорвавшаяся с веток тополиных. / Одни стихи – как будто лось с рогами. / Ах, удалось! – встают во всём величье, / Другие зашуршали под ногами / Охотника, вспугнувшего добычу.**

Для текстов всех исследуемых серий характерно совмещение множества регулярных направлений осмысления, что определяет и совмещение метафорических моделей.

Так, в тексте С. Ботвинника «Как-то так получилось...» соединяются векторы, связанные с осмыслением слова как неподатливого (*а проклятое слово отбивалось от рук*) и с его уподоблением фитонимическому понятию (*не хотело таиться, как зерно в борозде*), что создаёт представление о слове как «прорастающем».

В тексте Н. Заболоцкого «Светляки» мысль о неподатливости слов уживается с представлением о словах как несущих свет. В тексте Н. Матвеевой «Есть вопиющий быт, есть вещие примеры...» представление о сопротивляемости языкового материала выражается наряду с представлением о словах как драгоценностях, сокровищах. В тексте Н. Рубцова «Брал человек холодный мёртвый камень...», где доминирует метафорическая ассоциация «слово – искра», содержится также косвенное упоминание о неподатливости, сопротивляемости и покорении: (*... в своей руке сверкающее слово вдруг ощутить как молнию ручную*).

В некоторых случаях обнаруживается употребление в одних и тех же метафорических контекстах разных элементов из зоны отправления. Для текстов всех исследуемых серий характерно совмещение множества регулярных направлений осмысления, что определяет и совмещение метафорических моделей.

Выводы

Анализ трёх серий метафоричных текстов с опорными элементами **слово**, **поэзия** и **стих** позволяет констатировать следующее:

Для всех названных опорных понятий существуют стабильные, имеющие глобальный характер направления осмысления, обуславливающие приток метафор из определённых источников и определяющие характер метафоричности. В основе таких направлений лежат устойчивые представления о трудности работы со словесным материалом, о высокой общественной значимости труда поэта, о способности поэзии отражать все стороны жизни и т. д.

Эти направления зачастую обнаруживаются в текстах с разными опорными элементами, однако в каждой из рассмотренных серий имеются какие-либо определённые доминирующие направления. Так, в текстах с опорным элементом **слово** преобладает вектор трудности его поиска, в то время как другие так или иначе отражают его высокую значимость.

В серии текстов с элементом **поэзия** преобладает осмысление широты, глобализма поэтического творчества.

В текстах с опорным элементом **стих** выделяется вектор результата, итога упорного труда.

В зоне прибытия текстообразующих метафор используются наименования живых существ (животных, птиц, насекомых), обозначения природных объектов (*море, река, гора* и др.), наименования некоторых видов артефактов, понятий растительного мира и отвлечённых понятий, связанных с интеллектуальной деятельностью.

Существует связь метафоричных слов определённой семантики с теми или иными векторами осмысления опорных понятий. Например, анималистические метафоры наиболее характерны для текстов, передающих напряжённый характер труда поэта. Однако такая связь не является жёсткой. Так, указанный вектор осмысления может породить ассоциацию с тяжёлым физическим трудом, что обуславливает создание метафор иных типов.

Разные направления осмысления опорных понятий и соответствующие им метафорические модели нередко совмещаются в одних и тех же текстах.

Литература

1. Рыньков, Л. Н. Именные метафорические словосочетания в языке художественной литературы XIX в. (послепушкинский период) / Л. Н. Рыньков. – Челябинск : Южно-Урал. кн. изд-во, 1978. – 184 с.
2. Цалко, Л. В. Сістэмныя метафары ў паэтычным тэксе і іх трансфармацыі пры перакладзе паэтычных твораў А. Пушкіна на беларускую мову : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 ; 10.02.02 / Л. В. Цалко. – Мінск, 2007. – 120 л.
3. Павлович, Н. В. Парадигмы образов в русском поэтическом тексте / Н. В. Павлович // Вопросы языкознания. – 1991. – № 3. – С. 104–118.

Summary

The article deals with Russian metaphoric texts, which contain such elements as «a word, poetry, a verse». Typical directions of metaphorical interpretation of the aforementioned elements, typical metaphoric words of the zone of arrival defined.

Поступила в редакцию 22.03.10.